

ДНЕВНИК ВОЛОНТЁРА СВО

Оксана Чумак-Жунь

Оксана Ивановна Чумак-Жунь

Дневник волонтера СВО

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72440878

SelfPub; 2025

Аннотация

Я обычный человек, хожу на работу, воспитываю детей, встречаюсь с друзьями. По своему желанию поехала волонтером на территорию СВО. Увидев, как там существуют люди, была потрясена. Руины – а здесь живут. Плохо самим – помогают соседям. Брошены семьей – родными становятся незнакомые. Очень пронзительно там звенит жизнь. Она становится единственной ценностью.

Что увидела, пережила и осознала, я рассказываю в своём дневнике. Иногда мне было тяжело, порой попадала в приключения, временами чему-то училась. И как часто хотелось докричаться до тех, кто за гранью СВО живёт такой же мирной жизнью, как и я раньше. Докричаться и сказать главное, что вынесла из своих поездок.

Содержание

Пролог	4
Мариуполь	6
Автовокзал	6
Первые километры ДНР	9
Контрасты	11
Какие льготы у волонтёра	13
Штаб	15
Здесь живут люди!	18
Вай-фай за дверью	23
Что такое «прилёт»?	25
Азовсталь	28
Бабушка Анна Сергеевна	32
Прогулка по главной улице	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Оксана Чумак-Жунь

Дневник волонтера СВО

Пролог

Я поехала волонтером гуманитарной миссии в Мариуполь, а потом работала в госпитале в Курской области.

Но к этому я шла два года.

Как только Россия ввела войска на территорию Украины в 2022-м году, я поняла, что хочу быть там, где происходят важные для моей страны события. На тот момент я работала учителем и поехать волонтером могла только летом. Я оформила заявку через госплощадку, но мне пришёл отказ. Пока выяснения, лето закончилось. Я хотела ехать на каникулах в течение учебного года. Снова подала заявку, уже на другом официальном ресурсе. И опять получила отказ. Причина – я не проходила по возрасту и не состояла в волонтерских подразделениях. Было обидно, но, кажется, я сделала всё, что могла. Никто же в этих официальных организациях не знал, что я в свои 45 лет была здоровее и активнее многих 25-летних.

Не помню, как, но весной 2024 года ко мне пришла информация, что на территорию СВО можно поехать в качестве волонтера гуманитарной миссии общественной органи-

зации. Я подала заявку. Мне сказали, что надо пройти собеседование. Звонок поступил через несколько дней. Мы разговаривали долго, почти полчаса. На том конце провода объявили, что примут решение и сообщат.

Ещё через несколько дней мне позвонила координатор и сказала, что моя кандидатура одобрена. Мы подобрали даты для смены, и я села на самолёт до Москвы. О том, что я видела, что думала, какие чувства переживала, я рассказываю дальше.

Там, на последующих страницах, далеко не всё, что было. Я не смогла уместить огромную махину тех дел, которые совершают волонтерские организации. Для этого надо писать отдельную книгу. Как чужой человек с улыбкой и работающими руками оказывается единственным близким существом для тысяч людей, оставшихся в одиночестве. Не передать в двух предложениях, как беженцы радуются одежде, которую кто-то достал из своего шкафа и упаковал в посылку на СВО. Как сияют глаза бабушки, неделю лежавшей дома неподвижно и съевшей всё, до чего дотянулась рука, когда открывают её дверь волонтеры, получившие сигнал от соседей, что она давно не подаёт признаков жизни... Тысячи тысяч историй о том, как где-то далеко от сытой размеренной жизни обычных российских городов существует иной мир. Может быть, будет книга и об этом, а пока – о том, что видела и переживала я.

Мариуполь

Автовокзал

Место сбора волонтеров – автовокзал Котельники в Москве, в воскресенье в 17.00. Здесь мы должны сесть на автобус до Мариуполя.

Это была моя первая поездка, август, 2024 год.

Я приехала на вокзал чуть пораньше. В общем-то я налегке, у меня только рюкзак. Иду, август, жаркий день, предвкушение поездки, с наслаждением ем глазами окружающие новостройки и столичные дома, уходящие до горизонта. Да, Москва, она разная. И вот здесь, почти на окраине, есть и фешенебельный лоск, и аскетичные однотипные чело­вейники и ... автовокзальный смрад. Неприятно удивлена открывающейся картине.

Как, скажите, пожалуйста, как автовокзалам даже после ремонтов и цифровизации всё же удаётся сохранять вонь, грязь, курение, алкашню и бомжей? Издалека вижу серость, разбросанный мусор, неопрятные лица, слышу мат. Я как будто по социальной лестнице жизни пролетела вниз несколько уровней до маргинального. Отвратительно, но мне туда. Шагаю по перрону. Справедливости ради – есть и пассажиры культурные, аккуратно одетые, но они теряются

в серости запахов и видов. Даже в Москве!

Написала в чате нашей волонтерской группы, что я на месте. Тут же отозвалась Светлана. Мы нашли. Света – статная высокая женщина, от неё веет спокойствием и теплотой. Она психолог, из Москвы. Стоим в сторонке, общаемся. Пиликнуло сообщение в чате – подошли ещё волонтеры из нашей группы. Идём в здание автостанции, если можно так назвать павильон размером десять на двадцать метров. Итак, нас пятеро. Ольга едет второй раз, поэтому она – старшая группы. Оля тоже из Москвы. Елена из Рязани, а Сергей из Магадана. У него интересная история – его девушка бежала с родителями из Мариуполя в 2022-м году, у Серёжи есть миссия – найти дом своей подруги, посмотреть, что с ним. Об этом расскажу отдельно.

По расписанию к нашему перрону подъезжает белоснежный автобус-лайнер. Водитель спокоен, принимает багаж, контролёр запускает в салон по билетам. Мне волнительно: всё же едем на территорию, где идут боевые действия. С чем столкнёмся? Что там? Стреляют, бомбят, война – не война, в любом случае другая страна, будет граница. В эти мысли-чувства вплетается моя искренняя любовь к той земле, по которой буду проезжать. Мои родовые корни – это Белгородская область, Курская, были родственники в Донецке, я даже помню, как ездили с бабушкой в этот город, а ещё в Дружковку, в Горловку. В садике у меня был любимый костюм украиночки с разноцветными лентами на венке и ве-

сёлым передником. А всё, что написал Гоголь про свою родную землю, я читаю и впитываю каждой клеточкой, которая наслаждается тем, что есть такое чудесное место – Малорос-сия.

Песни, говор, вечера, хаты – это всё где-то глубоко, но всегда отзывается на резонирующие всплески будничной жизни: кинофильмы, книги, фотографии. Знаю, что не только у меня так. И это называется – корни.

Политика преследует свои интересы. Крутой замес последних геополитических истерий вмешался в жизнь многих людей, испортил отношения, повлиял на судьбы. Жаль...

Первые километры ДНР

Автобус едет неполный, многим повезло сесть по одному на парные сидения, я в их числе. Это и к лучшему, сейчас хочется молчать и смотреть в окно.

Мы быстро выезжаем из Москвы. Трасса, поля, встречные машины, повороты, прерывистый сон. Нам ехать 12 часов. Каждые три часа небольшие остановки. К ночи приезжаем в Воронежскую область. Выхожу размяться. И попадаю в перину сладкого дыхания южной степи. Вечер, закат. Ветер бросает в меня охапки тёплого плотного ароматного воздуха. Я дышу. А ощущение, что ем этот воздух. Он совсем другой, чем на Урале. И без вечерней прохлады. Тёплый-тёплый, нежный-нежный, вкусный. Чудесно!

Подъехали к границе. Нас высадили, автобус досмотрели отдельно, наши документы проверили. Едем дальше.

И вот за окном в утреннем солнце пролетают первые километры ДНР: разрушенные дома, брошенные ежи, заборы со следами автоматных очередей. Потом длинная лента полей, деревьев и неба. И снова разбитые дома... Следы войны режут глаз и неприятно царапают сердце. Я – мирный гражданский человек, с военной тематикой, как и многие, сталкиваюсь на парадах 9 Мая, в праздник 23 февраля, да при просмотре фильмов про Великую Отечественную. А здесь – не кино. Вот промелькнул дом с выбитыми стёклами и обуг-

ленными оконными проёмами. У этого – раскурочена крыша. Людей нет. Но ведь когда-то здесь кипела жизнь, как и там, откуда я еду. Сейчас на Урале люди ходят на работу, выращивают овощи в садах, водят детей в детский сад, заваривают чай и обнимают родственников. Как и те, кто жил здесь два года назад. Жил вот в этих домах, которые сегодня рвут пейзаж своими руинами.

Слава богу, яркое южное солнце не даёт мне погружаться в негатив от увиденного.

Контрасты

В Мариуполе автобус высаживает нас на площади Победы. Скоро за нами приедет машина, а пока осматриваемся. Кажется, это центральная часть города, улица красивая, дома свежепокрашенные, по дороге ездят машины и автобусы. На самой площади стоят столбы, увенчанные инсталляциями взлетающих голубей. В целом вокруг, куда можно посмотреть, город выглядит мирным, живущим своей обычной жизнью. Но вот я захожу за амфитеатр зрительской лестницы, которая стоит тут, на площади, и вижу за ним обгоревшее разбитое здание, судя по остаткам конструкций, это бывший торговый центр. Крыши нет, остались болтаться лохмотья перекрытий, стены обуглены, везде обломки бетонных плит. Очень контрастирует с окружающей красотой и порядком. Смотрю налево – там бурлит красивая летняя улица. Смотрю направо – тут послевоенные руины.

Как я узнала потом, в Мариуполе государство финансирует восстановление не всех зданий, а только муниципального фонда и жилых многоквартирных домов. Частные подворья и коммерческие объекты (торговые и развлекательные центры, рестораны и т.п.) восстанавливать должны собственники. Поэтому среди отремонтированных жилых домов, красивых, ровных, можно встретить обугленные останки какого-нибудь бывшего торгово-развлекательного центра. На-

сколько знаю, власти дали срок частникам на объявление права собственности на коммерческие объекты и начало их восстановления. По истечении этого срока судьбой объектов будет распоряжаться государство.

За нами приехала Елизавета. Молодая, красивая, родом из Нижнего Новгорода. Год назад так же трудилась волонтером и решила остаться. Неожиданно для своей семьи. Муж и дети переехали позже. Лиза говорит, что ей нравится в Мариуполе, она на своём месте, в хлопотах, заботах и помощи другим людям.

Какие льготы у волонтера

Лиза привезла нас к месту нашего жительства на предстоящую неделю. Это девятиэтажное общежитие, уже отремонтированное, блистающее свежим ремонтом и снаружи, и внутри. В комнатах новые кровати и шкафы, душевые, санузлы – всё сверкает, в фойе скромная, но новая мебель для отдыха. В общежитии консьерж, а живут в нём мариупольцы, у кого разрушено жильё. 7-й, 8-й и 9-й этажи отданы добровольцам и волонтерам.

Надо сказать, что система добровольческой помощи общественных организаций настроена очень слаженно. Есть координаторы разных направлений, они формируют смены, покупают билеты, инструктируют волонтеров. Дорога от Москвы, питание и проживание на месте обеспечивают. Смена волонтера, или служение, на разных территориях длится по-разному – от 7 до 10 дней. Можно ехать на одну смену, можно на несколько. Волонтеры за свой труд ничего не получают.

За два года я получила много вопросов от своих знакомых о том, какие льготы я имею и сколько зарабатываю, являясь волонтером. Нисколько не зарабатываю и льгот нет. Мне задают следующий вопрос: «Зачем тогда тратить свой отпуск на тяжёлый труд в некомфортных условиях?» Мои ответы многим кажутся странными, нелогичными. Но примерно так

думают и другие волонтеры. Нас трудно понять, потому что смысл тех слов, которыми мы отвечаем, обесценен и искажён. «Патриотизм», «долг», «страна в опасности», «свобода». Это как будто книжная лексика, оторванная от жизни. Но я так не думаю.

Эмблемой 9 Мая в 2025-м году выбрана статуя Родина-мать. В годы Великой Отечественной войны был создан плакат «Родина-мать зовёт!» Смотрящая с него женщина полна решимости и отважного призыва защищать Родину. Статую в Волгограде построили в 1967-м году и дали ей имя с лозунга плаката. Не просто так Родина-мать стала и символом 2025-го. Она зовёт. Нет, она не стучится в дверь и не рассылает письма с просьбами встать под ружьё. Её призыву можно внять, но только не ушами и глазами.

Кстати, может, волонтеры, которые работают по государственным программам, имеют другие условия. Не знаю, я писала, что не попала в эти программы по возрасту.

Штаб

Нашей группе выделили три комнаты на 7-м этаже. Мы со Светой поселились в трёхместную, где уже жила миловидная девушка Настя. Она вторую неделю работала волонтером в штабе.

Нам дали время помыться, отдохнуть с дороги, но мы дружно отказались: не устали, полны сил приступить к гуманитарным заботам. Тем более на часах – полдесятого утра, самое время для активности!

Через полчаса мы были в штабе гуманитарной миссии, где происходит круговорот добрых дел. Сюда приходят нуждающиеся в помощи мариупольцы, их вносят в единую базу, фиксируют, какую помощь оказали. Какую: это может быть одежда, продуктовый набор, набор хозяйственных средств для дома, памперсы детям и больным взрослым, медикаменты, инвалидные коляски. А ещё есть другая помощь: строительные работы, помощь по дому (сделать уборку, помыть окна, вскопать огород), доставка нуждающихся на операции в больницы Донецка, Ростова, а то и Москвы, юридические консультации. И много чего, что не могут сделать для себя люди разных возрастов, у кого разбомбили дома и квартиры, кто ещё не нашёл работу, кто только вернулся в родной город из вынужденного бегства.

Первое, что нам поручили в понедельник – навести по-

рядок на складе и сформировать пакеты с гуманитарной помощью. Склад – небольшая комната, метров семь в длину и столько же в ширину. Стеллажи с коробками, мешками, упаковками. Справа – продукты, слева – хозяйственные вещи. На полу тоже много коробок и мешков. На стене висят списки, что необходимо класть в пакет с гуманитарной помощью. Это: 3-4 пачки разной крупы, 1 кг макарон, 2 кг муки, сахар, соль, банка мясной консервы и банка рыбной, печенье, бутылка подсолнечного масла, майонез, кетчуп, чай. В нашу смену были ещё конфеты, дрожжи для выпечки, варенье. Все эти продукты не всегда есть в наличии – зависит от помощи, которую оказывают благотворители.

Один пакет такой продуктовой помощи положен нуждающимся раз в месяц. Пакет получается внушительный, тяжёлый. Мы даже, бывало, делили продукты и хозяйственные средства в два мешка и связывали их. Только разве это много на месяц, да ещё, если с пожилым человеком живёт кто-нибудь? Мы общались с бабушками, которые вот такую гуманитарную помощь делят с внучкой в декрете, с раненым братом, у которого нет документов, с соседкой, у которой сгорел дом и паспорт с пенсионным. Сколько мы видели людей, искренне радующихся и чуть не плачущих, при виде банки сайры, пакета конфет. Когда я такую глубокую благодарность встречала в Екатеринбурге, где живу? Нет, в столице Урала, как и во многих городах, между людьми вместо теплоты давно поселились деньги и расчёт. И силы свои многие готовы

тратить только на то, что выгодно, а не на то, что важно, что сделает мир лучше.

Нуждающиеся – это жители Мариуполя, в основном, пенсионеры, или те, у кого нет работы, дохода, у кого есть маленькие дети и т.п. На каждого в штабе заводится персональная карточка в единой компьютерной базе, где указываются условия жизни человека и какую помощь ему оказывали. Самый серьёзный контроль – за выдачей лекарств. Строго по рецепту от врача со всеми сопроводительными документами, иногда приходится ждать дни и недели, зато ценные лекарства приходят бесплатно.

На складе сначала даже было весело, почти как в детстве, когда играли в магазин: на полочках ищешь, где что лежит, а всего много, пачками, упаковками, открываешь, кладёшь в пакеты всё по списку. Пакеты мы завязывали, складывали друг на друга. Через несколько часов у нас получилась приличная гора, да и продукты в коробках стали иссякать.

Потом нам поручили отнести несколько таких пакетов по адресам, которые рядом с центром.

Здесь живут люди!

Мы вышли на улицу втроём. Каждый нёс по набору. Тяжело, общий вес – 10-12 килограммов. Но мы, таща этот ценный груз, успевали разглядывать всё, что вокруг.

Штаб гуманитарной помощи нашей организации находится в пятиэтажной хрущёвке. Её уже отремонтировали, покрасили и со стороны она выглядит как новенькая. Подъезды выходят во двор, а дверь в наш центр находится с обратной стороны, с улицы. Точнее, здесь не улица, а площадь перед проходной бывшего завода. В центре площади, похоже, был сквер, это можно понять по тому, что тут растут деревья, есть тротуары и остатки изгороди. Здание, где была проходная, разрушено до арматуры, причём кирпичи стен словно стекали со всех этажей вниз и на земле получились ровные горы обломков. Несколько соседних зданий тоже разрушены, а вот то, которое ближе всех к нашему центру, практически сохранилось и на нём висит реклама швейной мастерской. Вид площади ужасал бы, если не густая зелень деревьев, да редкие машины, которые всё-таки сюда заезжают. Кстати, сюда приходят рейсовые автобусы, маршрутом которых ранее пользовались работники разрушенного завода, а теперь, в основном, на конечную приезжают только жители нескольких восстановленных домов, да желающие попасть в наш центр гуманитарной помощи.

На улице нет людей. Тротуар завален обломками, видимо, это вычищают квартиры перед восстановлением дома. Мы обходим кучу, в которой лежат куски деревянных конструкций, стульев, тряпки, детские игрушки, бетонные валуны, подушка. И вдруг – несколько банок солений. Бодрые алые помидорки и резвые пупырышки огурцов в прозрачном рассоле под пыльным стеклом. Дико выглядит на вершине кучи. А как иначе? Хозяев во многих квартирах нет. Строители выносят оставшиеся вещи, мусор, сломанные перекрытия. Всё это сейчас – хлам. А год назад была жизнь: кто-то играл плюшевым мишкой, отсыпался на любимой подушке, с упоением закатывал огурцы...

Обогнув дом, заходим во двор. А тут – люди! Сразу понятно, что это жители нескольких трёхэтажных домиков, образующих замкнутую территорию. Нас увидели и оживились: «О, это к бабе Дусе, проходите! Здравствуйте!» Несколько женщин сидели на скамье, одна развешивала бельё, мужчина возился у легковушки. Пахло атмосферой классического Одесского двора. Это впечатление назойливо поддерживала архитектура строений: каждый этаж был обтянут лентой единого балкона с выходами на него из всех квартир. Даже на первом этаже из каждой квартиры была дверь сразу на улицу. Заходим в одну из таких дверей, нас просят не снимать обувь, хотя полы в коврах. В общем-то обстановка как в советское время: разнокалиберная дородная мебель тёмных цветов, коричневые шторы, земляной запах. На ди-

ване лежит бабушка, она приподнимается, как мы входим в комнату, оживляется и улыбается. Мы принесли ей не только гуманитарный набор, а ещё и несколько курточек. От бабы Дуси поступила заявка на куртку, ведь скоро осень, а у неё нет верхней одежды. Её дом сгорел, здесь она живёт у племянницы, которая и сама пенсионерка. Вот, две женщины и поддерживают друг друга, чем могут.

Мы достаём из пакетов две куртки и пальто. Баба Дуся, худенькая, высохшая не столько от старости, сколько от переживаний, тонет в первой. Над пухлым воротником остаются только её глаза, смущённо смотрящие на нас. Вторая куртка тоже мешковата, а вот пальто садится лучше всех. Оставляем его, продукты и, поговорив немного, да рассказав о себе, кто мы, откуда, какие новости в России, уходим.

Следующие два адреса чуть подальше. Идём вверх по улице. Не верится, что здесь кто-то живёт! По обе стороны дороги дома разрушены полностью. По останкам можно понять, что это была улочка, богатая купеческими особняками с кирпичными арочными оконными проёмами, пилястрами, лепниной. Попадаете скелет здания, напоминающего училище. А вот несколько частных домов. Сквозь заросли кустов на металлических воротах читаю написанное размашисто и крупно «Здесь живут люди!» Где здесь? У дома нет половины крыши, окна выбиты, забор в следах автоматной

очереди. На тротуаре стоят старенькие Жигули, видно, что на них ездят, они не в пыли и колёса целые. Но где же здесь живут люди? В летней кухне? В погребе? В гараже?

Потом я часто видела такие надписи. Привыкла к ним.

Вай-фай за дверью

Центр гуманитарной помощи, где мы трудимся волонтерами, закрывается в пять часов вечера. Нас довезли до общежития, есть время спокойно расположиться и написать родным.

В Мариуполе работает сотовая связь, интернет, но нас предупредили, что есть вай-фай в штабе и в общежитии. Поэтому я рассчитывала на него и не стала покупать местную сим-карту или подключать роуминг. Из-за этого попадала в разные ситуации.

Как-то надо было отнести продукты на адрес. А за пределами штаба мой телефон – просто стекляшка, которая принимает звонки и может фотографировать. Поэтому в штабе последовательно делаю скрины карт по моему пути, в голове складываю всё это в едином направлении и – иду по заданию, иногда подглядывая в сохранённые фрагменты Яндекс.Карты.

Что касается вай-фая в общежитии, то вышло тоже забавно. Точка раздачи была на 7-м этаже, до нашего 9-го уже не доходило, приходилось спускаться на два этажа ниже. Но тамошние постояльцы предпочитали видеть свои коридоры пустыми, без гостей, жаждущих интернета, поэтому мы в холле 7-го этажа или сидели тихо-тихо, или прятались за дверь, что добавляло юношеского адреналина нашей волон-

тёрской миссии.

Большая часть живших на трёх этажах волонтеров были добровольцы-строители. Это мужчины, так же приехавшие с разных концов страны, только их задача – восстанавливать частные дома. Выше я писала, что личные подворья государство не ремонтирует, а как раз в таких домах живёт много пенсионеров, у которых и в мирное-то время не нашлось бы денег на капитальный ремонт, а после войны тем более.

Так же на 7-м этаже есть кухня, где тоже трудятся женщины-волонтеры. Они готовят завтрак, обед и ужин. Много и сытно, потому что строителям нужны силы. Приём пищи примерно в одно время, в холле стоит огромный стол, мы едим вместе.

Первый день был насыщенный, после ужина иду спать.

Что такое «прилёт»?

Утро вторника начинается для меня необычно поздно. Дома на работу я встаю в полшестого. А здесь от общежития до штаба идти всего минут двадцать. Завтрак готовить не надо, краситься не надо, на сборы потребуется максимум полчаса, поэтому будильник звенит в 7.30. Но я проснулась раньше, вышла на лоджию, что в нашем холле, смотрю на город.

Прямо у ног общежития (ощущение, что у ног, потому что я нахожусь на девятом этаже) стоит пятиэтажное здание. Оно метрах в двадцати от нас. Судя по всему, это были офисы. Крыша у строения продавлена и одновременно взорвана изнутри. Из нескольких окон верхних этажей – чёткие выжженные следы в одном и том же направлении по касательной. Стёкла разбиты. Мне потом сказали: «Был прилёт». То есть снаряд попал в здание и уже внутри взорвался, выбив окна и крышу.

Не самый радостный вид для прекрасного тёплого утра. За этим зданием попеременно идут высотки и зелень — в общем-то перспектива обыкновенного города. Мы живём в центральном районе, поэтому большая часть многоэтажек тут уже восстановлена. По крайней мере, оглядывая окрестности с лоджии, я не вижу сильных разрушений, кроме этого офисного здания внизу. Но я знаю, что справа от общежития (сейчас не видно, это надо выйти на улицу и зайти за угол) стоят ещё такие же две общаги, и там не было ремонта. Они обгоревшие, стёкла есть только в некоторых окнах, остальные разбиты или заткнуты матрацами, забиты досками. Самое страшное — что на некоторых балконах сушатся свежестыренные вещи, а по вечерам кое-где загорается свет.

Сегодня нас подвозят к штабу на рабочей машине строителей, поэтому мы не успеваем осмотреть окрестности. Без

пяти минут девять, а у дверей уже человек пять – приехали за продуктами, одеждой, лекарствами. После короткой оперативки мы с Сергеем получаем задание на день – помочь одной бабушке по огороду и по дому. Нас отвезут к ней в 10 утра, заберут в 16.00.

Бабушка, назову её Анна Сергеевна, живёт в Левобережном районе, к ней надо ехать мимо Азовстали.

Азовсталь

Что такое Азовсталь, какие шли бои и многое другое об этом предприятии можно найти в разных СМИ. Я расскажу, что увидела сама.

Итак, направляемся к Анне Сергеевне. Улицы струятся с горки на горку, мы едем по какой-то более-менее уцелевшей части города. Маленькие домики, зелень вокруг которых закрывает следы автоматных очередей на их стенах и заборах, и всё же попадаются взорванные хаты. Выныриваем на очередной пригорок, и с него открывается вид на огромный луг или долину, по ту сторону которой – завод. Кажется, справа налево он занимает половину линии горизонта, перед ним (это для нас перед ним, а на самом деле – вдоль завода) идёт дорога. Это и есть Азовсталь. После первых секунд понимаю, что серая масса построек на горизонте так и осталась серой массой: при нашем приближении к ней она не сложилась в стройные вертикали заводских труб, не упорядочилась в геометрию цеховых окон, не зажила лентами подвижных составов.

Пересекаем долину по эстакаде. Под нами – железнодорожное полотно. Слева – несколько перевёрнутых вагонов электрички. Они разбиты или взорваны, ржавые, искорёженные. Эстакада заканчивается поворотом налево. Лиза говорит – это бывшая центральная проходная. Стараюсь в ме-

шанине шлакоблоков и бетона разглядеть, где были ворота, двери, стены. Но где находился главный вход, теперь можно предположить только по форме площади, которая сейчас пуста от машин, скамеек, урн, да и от людей тоже.

Мы едем вдоль забора. За ним – бесконечная череда руин из бетона и арматуры. Едем, едем, едем... Руины, бетон, обломки...

Мариуполь был одним из промышленных гигантов Украины. Здесь работали два градообразующих предприятия металлургической промышленности – Азовсталь и Завод Ильича. Вместе на них трудились около 25 тысяч человек.

Среднестатистическому горожанину, тем более, столичному жителю вряд ли будет понятно, что такое промышленный гигант, что значит – работать на нём, быть частью этого организма.

Я родилась и жила в уральском промышленном городе, гордость которого – внесённый в Книгу рекордов Гиннеса завод-гигант УВЗ. Уралвагонзавод. На нём я не работала, но мне довелось быть частью семьи двух других предприятий Нижнего Тагила: Уралхимпласта и завода «Планта».

Я много лет шла на работу под заводской гудок и понимала, что пора домой, тоже услышав этот звук. Я шла не одна – нас было много, мы знали друг друга, знали, что нужны нашему заводу, а он старался нас объединять социально-направленными мероприятиями: КВНами, концертами, путёвками, наши дети ходили в заводские или подшефные садики,

мы ездили на экскурсии. Кто-то скажет – глупости, уравниловка и обязаловка. А на заводе есть плечо товарища, друга и коллеги!

Сегодня в уравниловке менеджерской среды, в штате тысяч юрких доставщиков, среди консультантов бутиков нет того товарищества, какое есть в коллективах промышленных гигантов. На заводе люди близки тем духом, который был рождён в Советском Союзе и который до сих пор не выбили никакие маркетинговые нововведения. На заводах создавались и создаются семьи, сюда приходили и приходят работать дети своих родителей, продолжают промышленные династии. Завод даёт работу, зарплату, отдых и обустроивает социальную жизнь своих работников. Я не идеализирую, а сравниваю с теми условиями, в которых работает современная молодёжь, не знающая, что такое социальные гарантии работодателя.

Градообразующие предприятия в Мариуполе давали людям работу, хороший доход, садики, школы, плечо товарища. Трудясь 10, 20, 30 лет на заводе, человек имел репутацию нужного, высококвалифицированного работника. Это практически статус. А потом – почести и заслуженная пенсия для уважаемого человека. И не надо было признание всего общества, важно, что сам человек осознавал себя частью большого организма, знал, что его труд, пусть и невелик в рамках деятельности всего завода-гиганта, но тоже необходим и ценен.

Война разрушила Азовсталь и завод Ильича. Нет мест, где работали и совершали прорывы. Некуда идти сейчас. И завтра тоже некуда будет идти. Жизнь стала равна НИЧТО. Это хуже, чем сгорел дом.

В штабе я разговаривала с семейной парой, работавшей инженерами на Азовстали. Тоска, обречённость и страх. Они были уважаемыми людьми, технической интеллигенцией. А сейчас пришли попросить кроссовки мужу и немного продуктов, если можно. Они не старики, им чуть за 50. Что? Квартира? Да, жить есть где, но почти всё погибло. Зарабатывать? А где? Да и чем? Они инженеры, но ни одно предприятие в городе не работает. На рынок, продавцом? Так не все могут. Их мир рухнул, нет никакой опоры. Остались только они друг у друга. Очень надеюсь, что им хватит сил дождаться светлых перспектив.

Бабушка Анна Сергеевна

Анна Сергеевна, к которой нас везли, жила в тихом местечке с типичными южными улочками, кокетливо бегущими между двух заборов, увитых виноградными плетями. Сверху – охапки каштановых веток да шапки грецких орехов. Один из изгибов дорожки открыл нам почти не видимую в лианах калитку. За ней – небольшой домик, у порога, нежась на солнце, томятся кошечки, вдоль стены вниз на огород сбегает аккуратная тропинка. Солнце, тишина...

Калитка открыта, заходим. Елизавета зовёт хозяйку. Из дома выходит маленькая худенькая светловолосая бабушка, она улыбается и легко ступает по земле. Тонкие ручки, нежный голосок, лучистые глаза, и мне кажется, что Анна Сергеевна почти прозрачна на фоне этого летнего дня.

Она – одна из подопечных общественного центра помощи, к ней часто приезжают, навещают её и помогают ей. В Мариуполе появилось немало нуворишей, желающих разжиться на государственных деньгах России, на растерянности жителей, на одиночестве стариков. А Анна Сергеевна как раз одинока, живёт в родовом доме, поэтому её и взяли под опеку.

Кстати, в России говорят СВО, а здесь – война. "Было до войны", "после войны" – это нормальные обороты в речи местного населения. Вот, и Анна Сергеевна до войны была

полна сил, ухаживала за огородом. Говорит, на эвакуацию согласилась не сразу, только в конце марта 2023 года. Собрала две тележки, рюкзак и дамскую сумочку. Место сбора на эвакуацию было на улице на определённой территории. Подходили два автобуса, увозили людей, остальные ждали своей очереди. Она сутки ждала. За это время украли обе тележки с вещами... Её привезли в другой город, разместили в школе, спали на полу, кто что мог, стелили. Через три дня её с другими беженцами повезли дальше и высадили в Тольятти, заселили в гостиницу. Там было хорошо, кормили, номера чистые, но душа рвалась в родной дом. Как только смогла, Анна Сергеевна выехала в Мариуполь.

Вернувшись, обнаружила, что окна в доме разбиты, но не пулями, а мародёрами. Следы от пуль тоже были: на каменных стенах, металлическая дверь до сих пор стоит со сквозными отметинами, на участке валялись куски искорёженной, черной от гари крыши соседей.

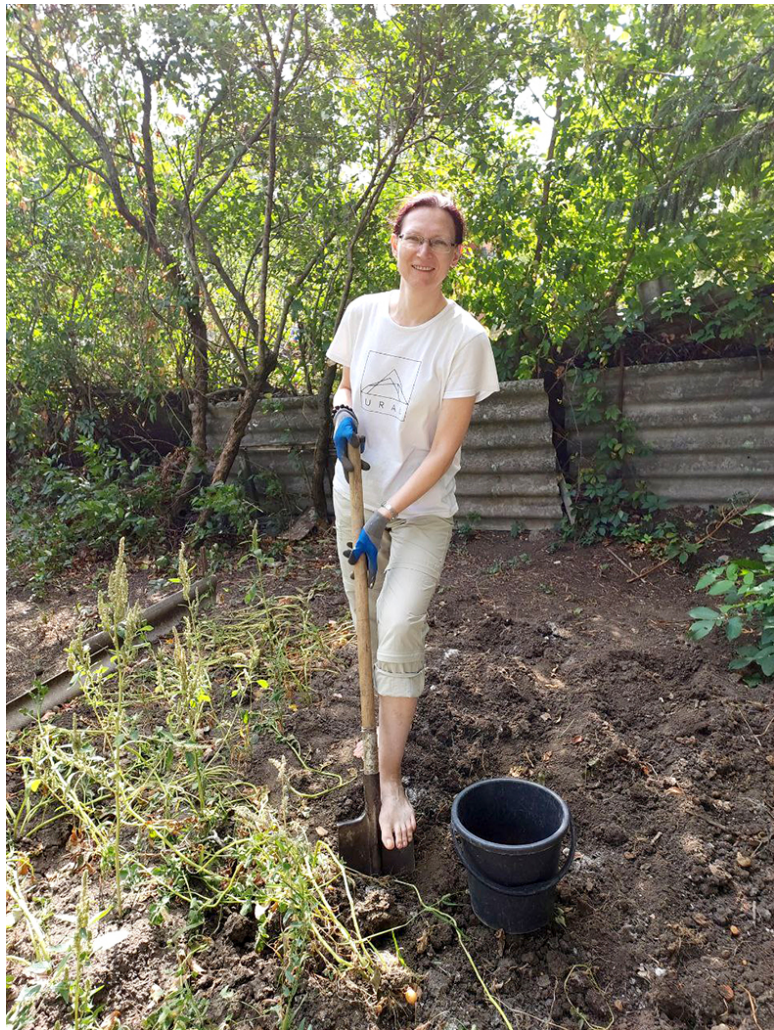
Анна Сергеевна практически сразу обратилась в благотворительную организацию, над ней взяли шефство. И очень кстати, т.к. быстро нашлись люди, захотевшие выдать себя за хозяев её дома.

Я уже выслушала несколько историй, как ради получения субсидии от России или восстановленной квартиры некоторые говорят, что их родственники умерли, погибли, даже свидетелей приводят. Врут. Хозяева живы, а мошенники быстрее стараются переписать жильё на себя.

Но ещё страшнее таких, мне думается, те бессовестные, кто во время войны не остался жить в подвалах своих домов, не уехал в эвакуацию, а сбежал за границу со словами проклятий в адрес России. Теперь эти люди возвращаются, чтобы получить субсидии, а потом спрятаться обратно в свои забугорные норы. Они очень выделяются среди остальных. В них нет неловкости, печали, обреченности и шока потерь. У них апломб, претензии и приказной тон: вы мне должны.

Вот таких Анна Сергеевна от себя и отвадила, удалось.

Дом её выдержал обстрелы, стоит, но нужен ремонт, внутри ещё есть следы гари, есть трещины. В огороде пока растёт только немного овощей. И то – в этом году случился неурожай. В июне весь месяц было сухо, +50, картошка, помидоры засохли. Мы с Серёжей, конечно, картошку выкопали, но она по размеру больше похожа на слезы... Помидоры ничего не дали, кабачки совсем маленькие. Правда, виноград бушует, он один и уродился.

Копая картошку у Анны Сергеевны. Грядка заканчивается, а в ведре едва доньшко прикрыто.

Полгода Анна Сергеевна жила с окнами без стёкол, сосед заколотил плёнкой. К зиме дождалась, когда ей вставили стёкла. Теперь ждёт ремонта.

Она начинает плакать, когда вспоминает про войну. Нам не понять. И сейчас-то разрушенные здания в городе шокируют, действуют очень угнетающе. При том, что обломки, стекла, и другие следы боевых действий уже вывезены. А представляете – весь город был в обугленных руинах... Где ты гулял, какие места любил, где работал – всё это одинаковое месиво взорванных почерневших стен. Не дай бог!

Прогулка по главной улице

Штаб закрылся в пять, но я не хочу в общежитие. Хочу пройтись по улицам. Девчонки обсуждают планы прогуляться на море, я не любитель. Да и хочется одиночества. Скачиваю карты, чтобы не заблудиться, запоминаю адрес общежития, куда в итоге надо прийти, и – в путь.

Наш штаб расположен очень удачно, если пройти метров двести влево, то там – самое начало улицы Ленина. Надо подняться по ней до большого парка с театром, пройти его, дальше по Ленина идти до второго перекрёстка и повернуть налево. Там на втором светофоре – направо и долго идти по прямой до общежития.

Иду тем путём, каким вчера ходили в атмосферный Одесский дворик, и чуть дальше. Огибаю угол дома – и передо мной перспектива широкой улицы, уходящей вперёд в горку. По обеим сторонам вижу дома сталинского ампира, те, что рядом – отреставрированы. Широкая дорога на четыре полосы, просторные тротуары, деревья. Людей нет. Точнее, прохожих нет, есть только строители, которые красят, что-то выносят, висят на фасадах в люльках, работают на лесах. До парка по улице было километра полтора, пока шла это расстояние, встретила десятка два строителей и одного гражданского пешехода уже возле парка.

Почти все дома на улице отреставрированы, заменены окна, крыши. Если смотреть в перспективу, то чередой новеньких домиков создаёт ощущение, что я попала в город-сказку. Да, но это только фасады. За счёт государственных средств идёт наружный ремонт и восстанавливают подъезды, квартиры должны ремонтировать сами жильцы, хотя, насколько я знаю, уже разработаны программы софинансирования.

На улице остались следы боевых действий. Вот дорожный знак прострелен как решето. Стою, смотрю на него. Пробую представить, с какой частотой и как долго должна была идти перестрелка, чтобы в этом круге диаметром 60 сантиметров было столько пулевых отверстий.

Под ногами – тоже эхо войны. Когда-то тротуар был вымощен плиткой. Сейчас это сплошные бетонные шрамы: ямы и ямки от взрывов, глубокие царапины, круглые отверстия.

Словно плитку царапали, грызли, долбили.

Дошла до парка. Он называется Театральный сквер. От театра остались только стены, сейчас его реставрируют. Огромная махина маскировочной сетки, за которой угадывается силуэт разрушенного здания.

Газоны, дорожки, скамейки – это всё в парке новое, красивое. Открыт фонтан, сделана детская площадка. Немного, но люди в парке есть, в основном, родители с детьми. Прохожу его насквозь и выхожу на продолжение проспекта Ленина.

Упираюсь в милое кафе французского стиля с вынесенными на улицу столиками. Сидит парочка. Как это необычно: романтика, стиль, метрдотель в центре израненного города. Следом за этим кафе ещё одно прячется под ветвями уютных каштанов. И на этом благоденствие заканчивается. Следующий дом – истерзанная многоэтажка, нависшая взорванными рамами над первым этажом, где, как ни в чём не бывало, работает продуктовый магазин. А напротив, через дорогу, и вовсе депрессивная картина: здание, которое выглядит как декорации для футуристического фильма ужасов. Скорее всего, это был торговый центр со стеклянным фасадом, от которого, разумеется, не осталось ни стёклышка. Огромные проёмы обрамлены свисающими профилями, лохмотьями обивки и панелей. На полу – кучи хлама, которые уходят в глубину помещения и теряются в темноте, она внутри здания даже сейчас, когда на улице вполне светло. Жутковато.

Кстати, именно из этих руин на меня ночью выскочила свора собак, но об этом я обязательно расскажу позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.